

В. М. ЖИРМУНСКИЙ

СУЩЕСТВОВАЛ ЛИ «ПРОТОГЕРМАНСКИЙ» ЯЗЫК? *

Сравнительно-историческая грамматика генетически родственных языков сумела в форме так называемой «ареальной лингвистики» приложить к доисторическим отношениям результаты лингвогеографических исследований современных диалектов. Соответственно этому мы понимаем сейчас под диалектом не замкнутую ветвь праязыка, отпочковавшуюся, как полагает Шлейхер, от общего древа и развивавшуюся по своим самостоятельным спонтанным законам.

Диалекты — это социально-исторические образования, возникшие в определенных реальных условиях общественной жизни, в постоянном взаимодействии с другими, соседними родственными диалектами в процессе дифференциации и интеграции, смещения и выравнивания, а также в результате влияния посторонних субстратов, суперстратов и адстратов.

На лингвистической карте диалекты отграничиваются не статической совокупностью совпадающих и связанных между собою признаков данной языковой «ветви», восходящей к исходному гипотетическому единству некоего «праязыка», а изоглоссами отдельных языковых явлений фонетического, грамматического и лексического порядка. Эти изоглоссы могут совпадать между собой, образуя пучки, или расходиться на более или менее значительное расстояние, или же перекрещиваться между собой; нередко они обнаруживают различный путь развития даже для отдельных слов, относящихся к одному и тому же фонетическому и морфологическому ряду.

В истории какой-либо группы генетически родственных диалектов, в зависимости от конкретных социально-исторических условий, теоретически одинаково возможны тенденции схождения и расхождения (хотя последние фактически, по-видимому, преобладают). Поэтому наличие или отсутствие для такой группы общей «праформы» (или языка-основы) представляет вопрос не догмата, а подлежащего историческому решению факта. Иными словами, нам надлежит еще установить, имеем ли мы дело в данном социально-историческом случае с языком-основой или с союзом родственных языков, или с различной степенью смещения и выравнивания. И действительно, в различных случаях мы получим разный ответ на этот вопрос. Попытаюсь показать это на двух примерах из истории германских языков.

1. Прагерманский всплывает, как своего рода мираж теории родословного древа, у В. Штрейтберга в его родословной таблице германских языков и диалектов. В этой схеме немецкий противостоит, как одна из ветвей западногерманского (следовательно: восточно-, северно- и западногерманские языки!) — англо-фризскому и в свою очередь распадается

* Выступление на Пятой международной встрече лингвистов в Милане в сентябре 1969 г. [перевод с немецкого].

ся на нижненемецкий (нижнефранкский + нижнесаксонский) и верхненемецкий (средне- и южненемецкий), разделяемые вторым перебоем согласных. Ту же схему мы находим у Хирта и Прокоша, а в новейшее время, вопреки общетеоретическим возражениям, «на практических соображений» у Г. Крае и даже у В. Пизани¹.

Между тем, как показала рейнская диалектография (прежде всего — труды Т. Фрингса, которые остаются для меня и поныне неопровергнутыми, несмотря на работы Шютцайхеля), второй перебой согласных — это сравнительно новое развитие, лишь постепенно, ступенями проникавшее во франкский диалект из южненемецкого в период от V до XV в. и вследствие этого разорвавшее на несколько частей старый племенной диалект франков. Поэтому второй перебой согласных не может служить критерием для членения древнегерманских племенных диалектов.

Нижнесаксонский, который привязывают к нижнефранкскому и включают в состав немецкого в качестве нижненемецкого диалекта, в древнейшую эпоху близко примыкал к фризскому и англосаксонскому. С исторической точки зрения все три относятся к ингвеонской группе западногерманских диалектов, тогда как франкский — к иствеонской, а южненемецкий — баварский и алеманнский (вместе с лангобардским) к эрминьонской, если мы пожелаем отождествлять эти диалекты со старыми самоназваниями западногерманских племенных союзов, которые дошли до нас от Плиния и Тацита (современная нейтрально-географическая терминология предпочитает различить их по территориальному признаку — как германцев побережья Северного моря, Рейна — Везера и Эльбы.)

Характерные ингвеонизмы древнесаксонского, совпадавшие с фризским и англосаксонским, частично были перекрыты влиянием иствеонского; это произошло в результате распространения саксов из прежнего района расселения у Северного моря, восточнее устья Эльбы, в первоначально иствеонскую область между Эльбой и Везером в направлении к Рейну, а также в результате позднейшего, еще более интенсивного влияния франкского, после включения саксов в империю Каролингов (с конца VIII в.). В качестве ингвеонизмов древнесаксонского (иными словами — изоглосс, объединяющих древнесаксонский с древнефризским и англосаксонским) обычно указывают:

1. Выпадение носового перед спирантами (*fif*, *gōs*, *ōther*).
2. Личные местоимения без конечного *-r* (*mī*, *me*; *thū*, *the*; *wī*, *we*).
3. Употребление личного местоимения 3-го лица ед. числа *hē* вместо *er*.
4. Отсутствие возвратного местоимения *sich*.
5. Отсутствие родовых окончаний в сильных прилагательных им. падежа ед. числа (муж., жен., ср. род. *gōd* «gut»).
6. Унифицированная форма мн. числа в настоящем времени индикатива *-ad* (*singad*), настоящего времени конъюнктива и претерита *-n* (*singun* и т. д.) и некот. др.

Все эти признаки наличествуют и по сей день в устных нижненемецких говорах, за исключением отдельных случаев, когда они были в различные эпохи вытеснены под влиянием верхненемецкого (так, уже в «Хелианде» *ander* вместо *ether*).

Другие ингвеонские признаки, знакомые нам из фризского и англосаксонского, встречаются как характерные особенности языка древнесаксонской народности в деловых памятниках (податных списках и т. п.), иногда — в глоссах и именах собственных, прежде всего в ряде Мерзебургских письменных памятников X в. В том числе:

¹ «Introduzione alle studie delle lingue germaniche», Torino, 1962.

1. Переход $\bar{e}_1 > \bar{e}$ в противоположность обычному древнесаксонскому и древневерхненемецкому $\bar{a}$ (*gēr* «Jahr», *lēsun* «lasen»).

2. Палатализация краткого a , совпадающая с англосаксонским $\ae$ (*steph* «Stab»).

3. Лабиализация краткого a перед носовым (в именах собственных как *Thongmarus*, *Wigmon* и др.).

4. Палатализация k перед передними гласными (*kietel* «Kessel», в географических названиях, как *Celle* — *Westerkielu*, 1013; *bezi* — др.-сакс. *beki* «Bach») и др.

В противовес частично франкизованному древнесаксонскому в «Хелланде» можно обозначить этот древнейший языковой слой как ингвеонский «преддревнесаксонский». Тем самым отпадает иллюзорное единство «прагерманского» как языка-основы для нижненемецкого (т. е. нижнефранкского и нижнесаксонского) и верхненемецкого, а также его противопоставление англофризскому как двух ответвлений западногерманского. Единство немецкого языка заключается не в общем происхождении древнемецких диалектов от мнимого единства общенемецкого «праязыка»; напротив, оно возникло собиранием немецкого народа в длительном процессе исторического развития, как результат взаимного сближения генетически родственных западногерманских племенных диалектов истеоннов (франков) и эрминнов (баваров и алеманнов) в рамках меровингско-каролингского государства франков, к которым позднее присоединилась группа первоначально изолированных от них ингвеонских диалектов — древнесаксонский. В результате исторически обусловленных обстоятельств последнему не суждено было вырасти в самостоятельный национальный язык. Поэтому после XVI в. он становится территориальным диалектом национального немецкого языка.

II. Совсем по-иному обстоит дело с общими признаками германского, которые мы обычно выводим из генетического сравнения древнегерманских племенных диалектов. Их число так велико, что здесь я могу вкратце перечислить лишь самое важное из общеизвестного:

В области фонетики: 1. Сильный динамический акцент на первом или корневом слоге слова, с одинаковой тенденцией к редукции неударных слогов. Одинаковая трактовка приставок. Общегерманский характер древнейших закономерностей в окончаниях.

2. Первый (или германский) чередой гласных и закон Вернера.

3. Развитие u как опорного гласного перед слогаобразующими сонорными l , r , m , n .

4. Нейтрализация противопоставления долгого и краткого a и o в $a - \bar{a}$; аналогично в дифтонгах ai , oi .

5. Ассимиляция $ei > i$.

6. Впадение носового перед h с компенсирующим удлинением гласного (*brāhta*).

В области морфологии: 7. Полная перестройка системы аблаута как основы формообразования сильных глаголов и отглагольного словообразования (по Хирту — «совершенно новая система», которая в своих основных чертах свойственна всем германским языкам).

В области грамматики: 8. Образование новой системы слабого именного склонения (из общендоевропейских предпосылок): муж., ср. род *in/an*, жен. род *ön* или *in*.

9. Образование новой системы склонения личных и указательных местоимений.

10. Образование двух новых германских типов склонения прилагательных (сильного и слабого), отличных от склонения существительных, и общие правила их синтаксического употребления.

11. Образование качественных наречий на *ō* (из аблатива **ōd*).
12. Образование общегерманской системы спряжения (времена, наклонения, инфинитив, причастия).
13. Образование слабого претерита с дентальным суффиксом.
14. Развитие группы претерито-презентных глаголов с новым составом форм и более широким лексическим охватом.
15. Систематизация и лексическое расширение каузативных глаголов на *-f* от сильных глаголов I—V класса.
16. Включение глагольного корня **es-* «жить, обитать» в систему супплетивного глагола *es-* «быть».
17. Новообразование и расширение употребления словообразовательных аффиксов (*-ungl-ing*, *-passus* и др.).

Лексические особенности общегерманского в противовес всем или некоторым другим индоевропейским языкам, которые здесь нет возможности перечислять.

Само собой разумеется, между германскими племенными диалектами существуют и важные различия, некоторые — очень древние (так, например, между готско-северным и западногерманским в образовании претерита ед. числа сильных глаголов или в отражениях гетероклитического склонения существительных: западногерм. **watar* — гот.-сев. **watōn* и т. п.). Речь идет здесь, как и в упомянутых выше примерах, главным образом о различном отборе и обобщении древнегерманских дублетных форм. Есть также немало случаев, когда германский обнаруживает общие признаки с тем или иным индоевропейским диалектом (например, с италийским и кельтским, с балтийским и славянским).

И все же число общих признаков германских племенных диалектов так велико и признаки эти так значительны и охватывают такой широкий круг лексики, что эти факты вынуждают нас постулировать в качестве исходного пункта позднейшей дифференциации этих диалектов единое языковое состояние с относительно незначительными диалектными различиями, т. е. германский язык-основу. В этом случае я не считал бы целесообразным говорить вместе с нашим уважаемым председателем (проф. В. Пизани. — *Ред.*) о «системе» или «пучке» изоглосс.

По моему мнению, изоглоссы это только географические пограничные линии между соседствующими диалектами (или языками), которые обозначают наличие или отсутствие какого-либо диалектного явления, и притом в форме атомизирующей изоляции, как это вообще присуще атомизму лингвогеографической методики. Диалект (или язык) это, напротив, единая система фонетических, грамматических и лексических признаков, которые охватывают, кроме этих отдельных, географически дифференцированных пограничных явлений, еще множество других и в своей совокупности характеризуют язык человеческого коллектива как исторически сложившееся и исторически обусловленное единство. Наличие отдельных географически устанавливаемых пограничных явлений, которые мы называем изоглоссами, не может служить основанием для отказа от понятия диалектного или языкового единства ни для современной лингвистической географии, ни для ареальной лингвистики. Эти понятия не следует, по моему, приносить в жертву «фетишизму изоглосс», выросшему из атомистически-изолирующего метода лингвистической географии.

Языковое единство прагерманского (или праславянского и т. д.) представляется мне, однако, необходимо связанным с историческим наличием народности или скорее группы племен как носителя этого языка, которых мы обычно обозначаем как германцев (или славян), и одновременно с наличием территории (или «прародины»), которую они населяли в течение длительного периода времени.